

благородства, религии и науки». ¹⁴ Но, конечно, учение Пуфендорфа было важнейшей частью этих лекций. Его имя упоминается уже в первой редакции I сатиры Кантемира. Идеи природного равенства и свободы всех людей не в полной мере принимались сатириком в этот период, но и в самой книге Пуфендорфа они проводятся ограниченно, оборачиваясь защитой абсолютной монархии.

Можно ли сказать, что в сатирах Кантемира отразились идеи, воспринятые от Бильфингера, Гросса или, что предлагают еще чаще, Феофана Прокоповича? Разумеется, это так, и как указывалось выше, сюда надо включить и идеи Д. Кантемира. Но едва ли эти уроки могли быть так хорошо и прочно усвоены, если бы они не совпадали с основными тенденциями идеологии эпохи, в которую он еще только рос и мировоззрение его лишь начало складываться. «Мудры указы Петровы» были для него живой действительностью, и казалось, что и после смерти «Пуфендорфа российского» они останутся незыблемым наследием, потому что русские «стали вдруг народ уже новый». То, на чем основывалось преподавание этики в Академии наук, было также теоретической установкой реформы Петра. Здесь Кантемир и усваивал скорее всего этику общественную, этику человека, первейший долг которого не просто добродетели и чистая совесть, но польза обществу. В петровской «Табели о рангах» можно было увидеть не только желание заставить всех дворян проходить службу с низших чинов и постоянно учиться, но и подтверждение независимости способностей человека, и отсюда его места в обществе, от его происхождения, а это связывалось именно с учением Пуфендорфа о природном равенстве людей: «Сыновьям князей, знатнейшего дворянства, также служителей знатнейшего ранга хотя мы позволяем, для знатной их породы, в ассамблее знатных чинов свободный доступ пред другими, однако мы никому никакого ранга не позволяем, пока нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат. А понеже нужда ныне необходимая требует в высшие статские чины, того ради брать, кто годен будет, хотя бы и низкой породы был и никакого чина не имел». ¹⁵ Заботясь о благе государства, Петр мог отбросить некоторые предрассудки, и никогда после его смерти в дворянском государстве не смогли вернуться к табели о рангах в том виде, как она была задумана.

Во имя широко понимаемого государственного интереса Петр в своем законодательстве даже стремился несколько ограничить крепостное право, не останавливаясь перед нарушением сословных интересов дворянства. Конечно, не какой-то особый демократизм

¹⁴ Х. Грасхоф. Западноевропейские связи Кантемира.

¹⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. 16. Изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 756.